

А. А. Гиппиус

ПЕТР И ЯКША:
К ИДЕНТИФИКАЦИИ ПЕРСОНАЖЕЙ
НОВГОРОДСКИХ БЕРЕСТЯНЫХ ГРАМОТ XII в.*

Круг персонажей берестяных грамот, надежно отождествляемых с лицами, известными из летописей и других исторических источников, постоянно растет и на сегодняшний день насчитывает уже несколько десятков имен. Вероятность такого отождествления находится в прямой зависимости от социальной принадлежности населения раскапываемых усадеб: она тем больше, чем выше социальный ранг авторов и адресатов грамот, и наоборот. Неудивительно поэтому, что среди исторически опознаваемых персонажей грамот довольно значительное число составляют представители высшей новгородской администрации, которые в первую очередь попадают в поле зрения летописцев.

В этом отношении исключительное явление представляет исследованная на Троицком XII раскопе усадьба Е. Как явствует из всей совокупности археологического материала, на этой усадьбе, начиная, по крайней мере, с конца XI в., размещался важный административный центр Людина конца. В. Л. Янин, основываясь на содержании берестяных грамот, в большом количестве найденных на территории усадьбы, приходит к выводу, что в середине XII в. на усадьбе Е располагался новгородский «сместный» суд.¹

С совместным («сместным») характером этого института хорошо согласуется тот факт, что четыре из найденных на усадьбе Е грамот судебного содержания, относящихся к этому времени (№ 812, 821, 870 и 885), адресованы двум лицам — Петру (называемому также Петроком) и Якше. Эти лица и выступают, по мысли В. Л. Янина, как действительные вершители «сместного» суда, представляющие две его стороны — княжескую и посадничью. Центральной фигурой комплекса является Петр (Петрок). Если упоминания Якши в грамотах усадьбы Е ограничиваются названными четырьмя документами (не исключено, впрочем, что то же лицо упоминается еще и в грамоте № 890 как Яков), то с именем Петра связано в общей сложности 17 грамот; для домонгольского периода это — абсолютный рекорд. В девяти из них Петр выступает как адресат (помимо уже названных — № 850, 872, 877, 889 и, возможно, 899), в пяти — как автор (№ 550, 604, 794, 849, 891) и еще в трех просто упоминается (№ 835, 839, 854).

Для характеристики фигуры Петра исключительно важна грамота № 872, адресованная князю и Петроку «жаблянами», жителями Жабенского погоста, и непосредственно демонстрирующая связь Петра с княжеской администрацией. Названный по имени князь Святополк (1142—1148) упоминается в грамоте № 850 — послании «от Пушьи и от Борза,

* Предварительный вариант работы опубликован: Новгород и Новгородская земля. История и археология. Новгород, 1999. Вып. 13. С. 366—379.

¹ См.: Янин В. Л., Зализняк А. А. Новгородские берестяные грамоты из раскопок 1998 г. // Вопросы языкознания. 1999. № 4. С. 21—22; Янин В. Л. У истоков новгородской государственности. Великий Новгород, 2001. С. 6—14.

и от всей дружины к Петроку». Еще одно упоминание князя содержит грамота № 794, написанная самим Петром. Княжеский характер должности Петра позволяет связать фигуру Якши с посадничьей стороной. Таким образом, распределение ролей Петра и Якши в «сместном» суде в общих чертах выясняется уже из самих берестяных грамот усадьбы Е. Дальнейшая конкретизация этих персонажей становится возможной при соотношении их текстов с показаниями летописей.

Обращение к новгородскому летописанию в поисках фигуры, с которой можно было бы отождествить Петра троицких берестяных грамот, поначалу разочаровывает: среди новгородских бояр, упоминаемых в рассматриваемый период в НПЛ, нет ни одного Петра (посадничавший в 1132—1134 гг. Петрила Микульчич погиб в 1135 г. в битве с суздальцами при Ждане горе и поэтому никак не может претендовать на эту роль). Зато ближе к концу столетия, когда на исторической сцене действовало уже следующее поколение, в летописи упоминается Гречин Петрович, расписавший в 1194 г. фресками надвратную церковь Ризоположения в Кремле. Это лицо, согласно гипотезе В. Л. Янина,² тождественно Гречину, претендовавшему в 1193 г. на архиепископство, а также боярину, священнику и иконописцу Олисею Гречину из комплекса берестяных грамот усадьбы А Троицкого раскопа. Предположение, что Олисей-Гречин Петрович, мастерская которого непосредственно соседствовала с усадьбой Е, был сыном Петра, действовавшего на этой усадьбе в середине XII в., было высказано В. Л. Яниным еще до начала сезона 1998 г.,³ когда имя Петра было известно лишь из грамоты № 550. В свете новых данных родственная связь этих персонажей становится еще более вероятной.⁴

Дело в том, что, как и Петр грамот усадьбы Е, Олисей Гречин застал в «сместном» суде. Эта сторона его деятельности освещена грамотами № 502 и № 603. В обоих документах Гречин выступает в паре с Мирославом, отождествляемым с посадником Мирошкой Нездичем.⁵ Мирослав является автором грамоты № 502 (записка, посланная им Гречину, по-видимому, непосредственно во время судебного заседания) и, вместе с Гречином, адресатом грамоты № 603. Последняя представляет для нас особый интерес. Ее адресная формула — «от Смолига к Гречину и к Мирославу» — поразительно напоминает формуляр грамот усадьбы Е, адресованных Петру и Якше.

Этот параллелизм имеет решающее значение для идентификации Якши. Располагая лишь грамотами усадьбы Е, структуру представительства князя и посадника в «сместном» суде естественно было бы представлять себе как симметричную, видя в Петре представителя князя, а в Якше — представителя посадника. Однако если князь, постоянно живший на Городище, в нескольких верстах от Новгорода, действитель-

² См.: *Арциховский А. В., Янин В. Л.* Новгородские грамоты на бересте (Из раскопок 1962—1976 гг.) (далее: НГБ 1962—1976). М., 1978. С. 97—98; *Янин В. Л., Зализник А. А.* Новгородские грамоты на бересте (Из раскопок 1977—1983 гг.) (далее: НГБ 1977—1983). М., 1986. С. 20—27, 66—67.

³ *Янин В. Л.* Я послал тебе бересту... М., 1998. С. 324).

⁴ Подробнее о Гречине в связи с персонажами грамот усадьбы Е см.: *Гунтус А. А.* К биографии Олисея Гречина // Церковь Спаса на Нередице. К 800-летию памятника. (в печати).

⁵ См.: НГБ 1962—1976. С. 96—99; НГБ 1977—1983. С. 63—67.

тельно имел основания осуществлять свои функции в суде через полномочного представителя, то посадник как новгородский боярин вполне мог и сам участвовать в судебной процедуре. Именно эту ситуацию и отражает грамота № 603. Примечательно, что имя главы новгородской республиканской администрации названо в ней вторым, после имени Гречина. Это парадоксальное, на первый взгляд, расположение имен адресатов на самом деле вполне закономерно, так как отражает не их иерархические отношения, но формальное главенство князя в «сместном» суде. Все это позволяет и в Якше (имя которого также всегда следует в грамотах за именем Петра) видеть не представителя посадника, а самого посадника.

В таком случае идентификация Якши уже не составляет труда. Из лиц, посадничавших в Новгороде в рассматриваемую эпоху, называть так могли лишь Якуна Мирославича — одну из центральных фигур в новгородской политической истории XII в.

Карьера Якуна Мирославича была долгой и полной драматических взлетов и падений. Его имя многократно упоминается в летописи на протяжении сорока лет — с 1137 по 1176 г. За это время Якун трижды становился посадником. Сын посадника Мирослава Гюрятинича, он впервые был избран на этот пост в 1137 г., став первым посадником республиканского Новгорода, избранным после переворота 1136 г. Четыре года спустя, в 1141 г., Якун бежал из Новгорода вместе с князем Святославом Ольговичем, но был пойман, избит до полусмерти, сброшен с волховского моста и лишь чудом спасся. Уплатив Новгороду 1000 гривен, Якун был заточен в Чудской земле, откуда опального посадника вызволил Юрий Долгорукий, предоставивший ему убежище в Суздале. В очередной раз Якун сделался посадником весной 1156 г. и также в результате переворота: его предшественник Судило, занимавший этот пост на протяжении десяти лет, был изгнан и через несколько дней умер. Второе пребывание Якуна у власти продолжалось, вероятно, до 1160 г., под которым летопись упоминает о передаче посадничества Нежате. Спустя еще шесть лет, в 1167 г., в критической ситуации, когда Новгород, раздираемый внутренними конфликтами (посадник Захария был убит на вече, обвиненный в измене), в течение полугода не имел князя и находился в политической изоляции, новгородцы вновь призвали Якуна. Кульминацией его третьего посадничества стала организация обороны Новгорода от войск Андрея Боголюбского в феврале 1170 г., завершившаяся полным разгромом суздальцев. Однако торжество новгородцев было недолгим, и в том же 1170 г. они вынуждены были, изгнав недавнего триумфатора князя Романа Мстиславича, просить у Андрея мира. По-видимому, именно тогда Якун Мирославич в третий раз лишился посадничества. Последний раз его имя появляется на страницах летописи под 1176 г., когда бывший новгородский посадник выдал дочь за князя Мстислава Ростиславича.⁶

⁶ Необычная продолжительность этой карьеры вызывает закономерный вопрос: действительно ли все перечисленное — факты биографии одного лица? Якун, посадничавший в 1167—1170 гг., упоминается в летописи без отчества, в чем иногда усматривалось свидетельство существования в XII в. двух посадников Якунов. В пользу этого говорит, казалось бы, то обстоятельство, что в обоих изводах летописного списка посадников, называющих всех обладателей этой должности только по разу, независимо от того, сколько раз они избирались на посадничество, имя Якуна значится дважды.

К какому из трех сроков, проведенных Якуном Мирославичем на посадничестве, относятся адресованные Петру и Якше берестяные грамоты усадьбы Е? Их стратиграфическая датировка остается пока довольно размытой и не позволяет с уверенностью ответить на этот вопрос. Ответ могла бы дать идентификация Петра—Петрока, но, как уже говорилось, новгородскому летописанию рассматриваемой эпохи боярин с таким именем неизвестен.

Тем больший интерес представляют свидетельства Лаврентьевской и Ипатьевской (и связанных с ними) летописей о состоявшейся зимой 1155—1156 гг. женитьбе новгородского князя Мстислава Юрьевича (княжил в Новгороде с января 1155 г. по начало 1157 г.) на дочери некоего Петра Михалковича. По причинам, о которых можно лишь гадать, этот важный эпизод новгородской истории XII в. оказался обойден вниманием местного летописца или же был намеренно изъят из городской хроники при ее редактировании. Киевский и владимирский летописцы сообщают о нем в разных выражениях:

Лавр.:

Тое же зимы ожениша новгородци Мстислава Гюргевича и пояща за нь Петровну Михалковича.⁷

Ипат.:

Тои же зимь повесть Дюрги Мстиславу сынови своему Новггородь женитися Петровною Михалковича, и оженися.⁸

Политический характер этого брака достаточно ясен. Если верить Лаврентьевской летописи, инициатива в данном случае принадлежала Новгороду, согласно Ипатьевской — отцу Мстислава, Юрию Долгору-

Список А (по В. Л. Янину): «...(22) Якун, (23) Судило, (24) Нъжатинь, (25) Захария, (26) Якун, (27) Жирославь...».

Список Б «...(23) Якун Мирославичь, (24) Нижата Твердятичь, (25) Озария Фефилактовичь, (26) Захария, (27) сын его Иванко, (28) Якун, (29) сын его Дмитрь...» (Янин В. Л. Новгородские посадники. М., 1962. С. 28—29).

Вместе с тем тот факт, что в 1176 г. Якун Мирославич выдал дочь за князя Мстислава Ростиславича (НПЛ, 35), не позволяет сомневаться в его политическом долготелетии и подталкивает к предположению, что и Якун 1167—1170 гг. — это все тот же Якун Мирославич. Но как же в таком случае объяснить двукратное появление Якуна в списке посадников?

Ответ на этот вопрос находим в истории сложения самого списка. Согласно предложенной нами реконструкции истории текста НПЛ, список новгородских посадников, как и остальные перечни статьи 6496 г. младшего извода НПЛ, впервые появился в летописном своде, составленном в период между концом 1167 г. и зимой 1170 г. (см.: Гиппиус А. А. К истории сложения текста Новгородской первой летописи // НИС 6(16), 1997. С. 45—64). Посадником в это время был Якун Мирославич. Поскольку этот пост он занимал уже во второй раз, составленный для нового свода список посадников должен был заканчиваться именем Захарии, убитого в 1167 г. Когда и кем был продолжен список, неизвестно, но, когда бы это ни произошло, продолжателю (для которого главным источником служила сама владычная летопись) естественно было начать с имени следующего за Захарией посадника, а это был Якун. Таким образом, повторение имени Якуна в списке посадников не только не составляет препятствия к отождествлению посадника 1167—1170 гг. с Якуном Мирославичем, но и служит важным свидетельством поэтапного сложения списка в связи с историей новгородского летописания.

⁷ ПСРЛ. Т. 1. С. 346.

⁸ ПСРЛ. Т. 2. С. 482.

кому. Поскольку Лаврентьевская летопись в этой ее части основывается на южнорусском источнике типа отразившегося в Ипатьевской, сообщение последней следует признать оригинальным, а формулировку Лаврентьевской летописи — его переделкой, отражающей недружественную в отношении Новгорода позицию владимирского летописца эпохи Андрея Боголюбского. Новгородскому браку Мстислава Юрьевича предшествовало утверждение самого Юрия на киевском великокняжеском столе (весной 1155 г.) и замирение его со своими соперниками, после чего, по выражению новгородского летописца, «бысть тишина в Русъи земли».⁹ Стремясь закрепить в Киеве, Юрий зимой того же 1156 г. женит другого сына, Глеба, на дочери своего давнего врага черниговского князя Изяслава Давыдовича. Связь между этим событием и практически синхронным ему новгородским браком Мстислава Юрьевича очевидна. Последний выступает, таким образом, одним из звеньев политики Юрия Долгорукого в качестве киевского великого князя, подводя черту под полосой сложных и в основном враждебных отношений Юрия с Новгородом. Понятно, сколь значимой фигурой оказывается в этом политическом контексте боярин Петр Михалкович — тесть новгородского и сват великого киевского князя.

Время деятельности Петра Михалковича, его принадлежность к боярской элите, близость к князю (отметим, что одна из печатей, обнаруженных на усадьбе Е, принадлежит именно Мстиславу Юрьевичу¹⁰) — все это отлично согласуется с тем, что известно о Петре — Петроке из берестяных грамот усадьбы Е. Это отождествление, однако, не было бы столь надежным (Петр — слишком распространенное христианское имя), если бы не одновременная идентификация Якши с Якуном Мирославичем. Женитьба князя Мстислава Юрьевича на дочери Петра Михалковича непосредственно предшествовала второму появлению Якуна Мирославича на посадничестве. Хронологический интервал, разделяющий эти события, был в действительности меньше, чем может показаться. Брак Мстислава, датированный летописями зимой мартовского 6663 г., мог быть заключен только между Крещением и началом великого поста, то есть уже в январе-феврале 1156 г. Изгнание же Судилы и передача посадничества Якуну Мирославичу (с сообщения о которых начинается статья НПЛ 6664 г.) произошли заведомо до 20 апреля 1156 г., когда умер архиепископ Нифонт, сообщение о смерти которого продолжает статью 6664 г. Таким образом, оба события произошли в период с 6 января по 20 апреля 1156 г.; реальный же временной промежуток между ними был, несомненно, еще меньше. Причем ничего другого, что бы привлекло внимание летописца, в Новгороде за это время не произошло: исторически одно событие следовало за другим.

События начала 1156 г., теснейшим образом связывающие между собой новгородских бояр Петра Михалковича и Якуна Мирославича, составляют идеальный исторический контекст для появления в документах «сместного» суда имен Петра и Якши. Идентификация

⁹ НПЛ. С. 29.

¹⁰ Янин В. Л., Гайдуков П. Г. Древнерусские вислые печати, зарегистрированные в 1998—1999 гг. // Новгород и Новгородская земля: История и археология. Новгород, 2000. Вып. 14. С. 291. № 157—11.

этих центральных фигур грамот усадьбы Е с названными историческими персонажами представляется поэтому высоковероятной.¹¹

Что представлял собой этот политический тандем? Какие отношения связывали между собой его участников? Тот факт, что возвращение на посадничество Якуна Мирославича произошло непосредственно после женитьбы Мстислава Юрьевича на дочери Петра Михалковича, заставляет думать, что эти события были как-то связаны одно с другим. Как же именно? Следует ли видеть в них проявление одной и той же или противоположных политических тенденций? Было ли избрание Якуна Мирославича на посадничество еще одним успехом новгородской политики Юрия Долгорукого или же реакцией на слишком тесное сближение с Киевом со стороны последовательных сторонников новгородской независимости? Более вероятно второе предположение. Хотя, как мы помним, Якун именно Юрику был обязан своим освобождением из чудского заточения в 1141 г., видеть в нем политического союзника Долгорукого не приходится. Генеалогические соображения позволяют относить Якуна Мирославича к прочерниговской боярской группировке, связанной с Прусской улицей.¹² Сторонником же Юрия в Новгороде был как раз низложенный в 1156 г. Судила Иванкович, давний противник Якуна. В 1141 г., после расправы с Якуном, новгородцы «призваша ис Суждала Судилу, Нежату, Страшка, оже бьху бьжали из Новагорода Святослава деля и Якуна; и даша посадничество Судилу Новьгородъ; и послаша по Гюргя по князя Суждалю, и не иде, нъ посла сынъ свои Ростиславъ, оже то и преже былъ».¹³ При том, что в годы посадничества Судилы отношения Новгорода с Юрием складывались по-разному, они в конечном счете привели к приглашению на новгородский стол Мстислава Юрьевича, а после утверждения Юрия на великокняжеском столе — и к женитьбе Мстислава на дочери Петра Михалковича, ставшей высшей точкой сближения Новгорода с Долгоруким.

Реванш Якуна весной 1156 г. кладет конец этому сближению. С этого момента события развиваются в противоположном направлении. Первым проявлением новой тенденции становятся обвинения в адрес ушедшего в Киев навстречу новому митрополиту архиепископа Нифон-

¹¹ Отождествление Якши грамот усадьбы Е с посадником Якуном Мирославичем косвенным образом подтвердилось находкой летом 1999 г. на территории той же усадьбы грамоты № 907, датируемой началом XII в. и адресованной Гюргяте. Грамота представляет собой донесение новгородской администрации в связи с расследованием дела о краже, и ее адресат с высокой вероятностью отождествляется с посадником Гюргятой — отцом Мирослава Гюргятинича и дедом Якуна Мирославича (см.: *Янин В. Л., Зализник А. А.* Новгородские берестяные грамоты из раскопок 1999 г. // *Вопросы языкознания.* 2000. № 2. С. 7—8). С другой стороны, дендрохронологическая дата помоста, являвшегося в рассматриваемую эпоху центром административного комплекса усадьбы Е, — 1126 г. — совпадает с годом избрания на посадничество Мирослава Гюргятинича, сына Гюргяты и отца Якуна (см.: *Янин В. Л.* У истоков новгородской государственности. С. 22). Таким образом, можно говорить о присутствии на усадьбе Е трех поколений этого посадничьего рода.

¹² См.: *Янин В. Л.* Новгородские акты XII—XV вв. Хронологический комментарий. М., 1991. С. 12—13.

¹³ НШЛ: 26.

та, последовательного союзника Юрия Долгорукого, — о них мы узнаем из гневной отповеди летописца: «шль бяше Киеву противу митрополита. Инии же мнози глаголаху яко полупивь святую Софию пошль Цесарюграду; и много глаголаху на нь, нь себе на гръхъ». ¹⁴ «Инии мнози», поведением которых возмущается летописец, — явно представители оппозиционного Киеву новгородского боярства, предводительствуемые на данном этапе Якуном Мирославичем. Возможно, что в Якуне следует видеть и главного идеолога важнейшего для истории Новгорода события 1156 г. — первых вечевых выборов епископа (Аркадия), устанавливающих новый порядок замещения новгородской кафедры. Выборы владыки волеизъявлением самих новгородцев — шаг явно недружественный Киеву. Оппозиция Долгорукому набирает силу и весной 1157 г. выливается в открытое выступление против Мстислава. «Въ лето 6665 бысть котора зда (вм. зла) въ людехъ и всташа на князя Мстислава на Гюргевица и начаша изгонити из Новагорода. Торговии же поль стаха въ оружии по немь. И съвадишася братья и мость переимаша на Вълхове. И стаха сторожи у городныхъ воротъ, а друзии на ономъ полу; малы же и крви не проляша межи собою. И тъгда вънидоста Ростиславица Свягославъ и Давыдь. И на ту же ночь бежа Мстиславъ из города. По тръхъ днехъ въниде Ростиславъ самъ, и сънидошася братья и не бысть зла ничто же». ¹⁵

Таким образом, княжение в Новгороде Мстислава Юрьевича отчетливо распадается на два периода, в которые отношения между князем и посадником складываются противоположным образом. Их политическую гармонию в посадничество Судилы, нашедшую наиболее яркое воплощение в женитьбе Мстислава на дочери Петра Михалковича, сменяет конфронтация при Якуне Мирославиче, в конечном счете приведшая к изгнанию сына Долгорукого из Новгорода.

Значит ли это, что Петр и Якун были политическими противниками; а их сосуществование в сместном суде — хрупким равновесием противоборствующих сторон? По-видимому, нет. Было бы неверно на основании факта женитьбы Мстислава Юрьевича на дочери Петра Михалковича относить последнего к числу сторонников Долгорукого в Новгороде. Вспомним, что почти одновременно с Петром Михалковичем сватом Юрия становится один из главных его врагов — Изяслав Давыдович, который два года спустя возглавит антидолгоруковскую коалицию князей. Вполне возможно, что и новгородский брак Мстислава следует рассматривать как попытку Юрия обеспечить лояльность со стороны оппозиционно настроенного к нему новгородского боярства. Эта попытка, однако, не удалась и лишь спровоцировала оппозицию на более решительные действия.

В пользу такой трактовки фигуры Петра Михалковича говорит и то, что он и после изгнания Мстислава Юрьевича из Новгорода в 1157 г. продолжал, по-видимому, исполнять свои административные функции на усадьбе Е. Этот этап деятельности Петра отражает грамота № 550, стратиграфически датируемая серединой 60—серединой 90-х гг. XII в., а также грамота № 794, упоминающая жертв мора: единственная эпидемия с большими человеческими жертвами, упоминаемая летописью в

¹⁴ НПЛ: 29, 216.

¹⁵ НПЛ: 30, 217.

рассматриваемый период, — это мор 1158 г. Если бы Петр Михалкович был активным сторонником Долгорукого, он вряд ли мог бы сохранить свой пост после изгнания Мстислава и смерти самого Юрия Владимировича.

Было бы очень важно определить кончанскую принадлежность Петра Михалковича. Само по себе присутствие его на усадьбе Е в этом отношении малопоказательно: если на этой усадьбе действительно размещался в рассматриваемый период административный центр общен Новгородского значения, то здесь могли собираться для исполнения своих служебных функций жители разных районов города. Так, Якун Мирославич (Якша) был, как уже говорилось, связан с боярством Прусской улицы. Но если генеалогия Якуна хорошо прослеживается как по восходящей, так и по нисходящей линии, то о Петре Михалковиче этого сказать нельзя. Новгородец Михалко в начале XII в. летописи не известен. И все же некоторые соображения о роде Петра Михалковича высказать можно. Имя *Михалко*, известное в княжеской среде, обладало, по-видимому, определенным социальным престижем. Каноническое имя *Михаил* было более распространено в форме *Михаль*. Примечательно, что Новгородская летопись, упоминая в XII—XIII вв. многих Михалей, знает только двух Михалков — Михалка Степанича, посадничавшего (с перерывами) в 1180—1205 гг., и его правнука, также Михалка Степанича, занимавшего этот пост в 1255—1258 гг. Совпадение имен и отчеств прадеда и правнука чрезвычайно характерно: род Михалка Степанича демонстрирует повторяемость имен из поколения в поколение: Степан — Михалко Степанич — Твердислав Михалкович — Степан Твердиславич — Михалко Степанич. Симптоматично, что первый Михалко Степанич впервые упоминается летописью под 1176 г., в котором он, еще не будучи посадником, заново отстраивает сгоревшую годом раньше церковь Архангела Михаила.¹⁶ Патрональный характер посвящения церкви, которая и в дальнейшем остается объектом попечения семьи Михалковичей, позволяет предполагать, что основателем ее был дед Михалка Степанича, также Михалко (относительно основание храма еще на поколение раньше, в глубь XI в., нет оснований). Не этот ли Михалко и был отцом нашего Петра Михалковича, который в таком случае должен быть доводиться посаднику Михалку Степаничу дядей?

Связь Якуна Мирославича с Прусской улицей также устанавливается на основании генеалогических данных, исходя из сообщения НПЛ под 1210 г. о добровольном отказе от посадничества Твердислава Михалковича в пользу Дмитра Якунича как «старейшего»: «прииде Дмитръ Якуницъ из Руси, и съступися Твердиславъ посадничества по своей воли старейшю себе».¹⁷ Ссылка на старшинство вполне определенно указывает на принадлежность Дмитра и Твердислава не просто к одной боярской группировке, но и к одному роду: как известно, именно родовые связи и лежали в основе таких группировок. Теперь к этому роду мы можем предположительно отнести и Петра Михалковича. Его отец, Михалко, должен был принадлежать к поколению Мирослава Гюрятинича и, в принципе, вполне мог быть его родным братом (обратим

¹⁶ НПЛ: 35, 224.

¹⁷ НПЛ: 52, 249; Янин В. Л. Новгородские акты... С. 12—13.

в связи с этим внимание на совпадение начальных слогов имен *Мирослав* и *Михаил*).

Принадлежность Петра Михалковича и Якуна Мирославича к одному роду позволяет не только лучше понять события 1156—1157 гг., но и объяснить примечательное совпадение в биографиях двух бояр: через двадцать лет после того, как Петр Михалкович выдал дочь за Мстислава Юрьевича, дочь Якуна Мирославича сделалась женой Мстислава Ростиславича, внука Долгорукого. Женитьба князя на боярской дочери — явление, вообще говоря, экстраординарное для дома Рюриковичей¹⁸ и — какова бы ни была политическая подоплека таких браков — несомненно требовавшее какого-то генеалогического оправдания. Таковым, видимо, могло быть только происхождение невесты из особо знатного аристократического рода, число которых в Новгороде не могло не быть крайне ограниченным. Восхождение Михалковичей и Мирославичей к одному древнему корню делается тем самым еще более вероятным.¹⁹

Вместе с тем характеристика этого рода как связанного с Прусской улицей нуждается в некотором уточнении. Прежде всего заметим, что присутствие Петра Михалковича (Петрока) на усадьбе Е отлично по своему характеру от присутствия на ней Якуна Мирославича (Якши). Последний, как уже говорилось, выступает (всегда вместе с Петром) лишь как адресат четырех официальных обращений в «сместный» суд. Между тем с Петром связан значительно более широкий круг текстов, включающий грамоты, адресованные одному Петру, а также письма самого Петра, в том числе — что особенно показательно — к Марене, в которой есть основания видеть жену Петра.²⁰ С другой стороны, деятельность Петра на усадьбе Е явно не ограничивается годами посадничества Якуна Мирославича (как не ограничивается она и годами княжения Мстислава Юрьевича): грамотой № 850 она засвидетельствована в княжение Святополка Изяславича (1143—1148). Ясно, таким образом,

¹⁸ За весь домонгольский период известно, помимо названных, лишь два таких случая: в 1122 г. овдовевший Мстислав Владимирович женился на дочери уже умершего к этому времени посадника Дмитрия Завидича, а в 1137 г. в Новгороде женился Святослав Ольгович. В последнем случае летопись не называет имени невесты, и это умолчание симптоматично: брак Святослава Ольговича сопровождался скандалом — князь вынужден был венчаться на Городище «своими попы», так как «Нифонт его не венча, сие молвя: не достоить ей пяти» (НПЛ: 24, 209). Приводимые летописцем слова епископа естественно понимать как указание на недостаточно знатное происхождение невесты.

¹⁹ Весьма заманчивым кажется в этой связи предположение А. А. Молчанова, возводящее род Гюрятиничей к знатному выходцу из Скандинавии Рёгнвальду Ульвссону, двоюродному брату Ингигерды, жены Ярослава Мудрого, вместе с нею прибывшему на Русь и получившему в управление Ладогу как «ярлство» (см.: Молчанов А. А. Ярл Рёгнвальд Ульвссон и его потомки на Руси (О происхождении ладожско-новгородского посадничьего рода Роговичей-Гюрятиничей) // Памятники старины: Концепции. Открытия. Версии. Памяти Василия Дмитриевича Белецкого. СПб.; Псков, 1997. С. 80—84). Матримониальный интерес со стороны Рюриковичей именно к этому боярскому роду становится в таком случае вполне объяснимым. Подробнее о происхождении и родственных связях Михалковичей и Мирославичей см.: Гунтуис А. А. «Суть людие новгородци от рода варяжска»; опыт генеалогической реконструкции // Восточная Европа в древности и средневековье. Генеалогия как форма исторической памяти. XIII Чтения памяти В. Т. Пашуто. М., 2001. С. 59—65.

²⁰ Об этом см. подробнее: Гунтуис А. А. О происхождении новгородских кратиров и иконы «Богоматерь Знамение» в наст. изд.

что Петр был связан с усадьбой Е более тесно и на протяжении более длительного срока, чем Якша. Вероятно, как официальное лицо он мог проводить здесь значительное время или даже проживать постоянно, вместе со своими домочадцами, что, впрочем, совсем не противоречит его предполагаемой «генетической» принадлежности к прусскому боярству.

Что же касается Якуна Мирославича, то и его «прусское» происхождение, возможно, также не следует понимать слишком узко. Собственно «прусами» были Михалковичи, чья родовая церковь Михаила Архангела находилась на Прусской улице. О Мирославичах мы не знаем ничего, что бы заставляло и их считать жителями Прусской улицы. Между тем косвенные данные позволяют высказать предположение, что эта ветвь рода Гюрятиничей была связана не с Прусской, а с соседней Добрыней улицей. В конце этой улицы в непосредственной близости к Михаило-Архангельской церкви находилась церковь святого Иакова. Обе церкви впервые упоминаются в летописи как сгоревшие в 1175 г. вместе с церковью Вознесения на Прусской улице. Однако сообщение Синодального списка НПЛ под 1188 г. о смерти Германа Вояты, прослужившего «у святого Иакова» сорок пять лет, позволяет отнести строительство Яковлевского храма ко времени до 1143 г. Можно думать, что, как и у большинства новгородских церквей, посвященных отдельным святым, посвящение престола церкви святого Иакова носило патрональный характер. Если так, то в качестве ее ктитора мы можем предположить Якуна Мирославича. Как известно, имя *Якун* представляет собой древнерусскую передачу скандинавского *Hakon*. Его более долгое, по сравнению с другими скандинавскими именами, сохранение в древнерусском антропонимиконе, объясняется, по-видимому, соотносительностью с христианским именем *Яков*.²¹ В берестяных грамотах усадьбы Е *Якун* Мирославич упоминается как *Якша* — форма, которая может в равной степени принадлежать именам *Яков* и *Якун*. Похоже, что и упоминаемый в грамоте № 891 *Яков* — это то же лицо. Ничто не мешает предположить, таким образом, что крестильное имя *Якши* — *Якуна* Мирославича было *Иаков*.

Это предположение становится еще более правдоподобным, если учесть, что *Яковом*, судя по сфрагистическим данным, звали в крещении и отца *Якуна* — *Мирослава* Гюрятинича.²² Ктитором Яковлевской церкви вполне мог быть, следовательно, и он. В таком случае находившиеся по соседству на Добрыне и Прусской улицах церкви святого Иакова и Михаила Архангела могли бы рассматриваться как основанные братьями *Мирославом* и *Михалком* Гюрятиничами «в свое имя».

Картина, которая в итоге вырисовывается из берестяных грамот середины XII в. усадьбы Е, уникальна и вместе с тем чрезвычайно показательна: двух крупнейших представителей боярского гнезда, локализуемого в районе Прусской и Добрыни улиц, — *Петра* Михалковича и

²¹ См. об этой модели соотношения языческих и христианских имен: *Гиппиус А. А., Успенский Ф. Б.* К вопросу о соотношении языческого и христианского имени: древнерусские антропонимические дублеты в типологическом освещении // *Славяне и их соседи. Христианский мир между Римом и Константинополем. Материалы конференции.* М., 2000. С. 29—36.

²² См.: *Янин В. Л.* Актовые печати Древней Руси. М., 1970. Т. 1. С. 72—73.

Якуна Мирославича — мы застаем заправляющими делами в административном центре, расположенном в самом сердце Людина конца. Это заставляет несколько скорректировать схему, согласно которой Прусская и Людинская группировки выступали на протяжении всего XII в. как противостоящие политические силы. Ситуация, характерная для XIII—XIV вв., когда «прусское» боярство полностью господствовало в общественной жизни Людина, а затем и Загородского концов, видимо, начала складываться значительно раньше.